

На правах рукописи

БАЯНБАЕВА ЖАДЫРА АМАНГЕЛЬДИЕВНА

**АЛМА-АТИНСКИЙ ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ
В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.О. ДОМБРОВСКОГО:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2017

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН).

Научный руководитель:

доктор филологических наук (10.01.01), профессор **Коваленко Александр Георгиевич**, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук (10.01.01), профессор **Солдаткина Янина Викторовна**, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета;

кандидат филологических наук (10.01.01) **Кротова Дарья Владимировна**, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева» (ЧГПУ им. И.Я. Яковлева)

Защита состоится 22 декабря 2017 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.203.23 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10, ауд. 730.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского университета дружбы народов (117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6) и на сайте ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

Автореферат разослан «___» _____ 2017 года.

Ученый секретарь диссертационного совета

кандидат филологических наук
(10.01.10 - журналистика), доцент

А.Е. Базанова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено актуальной теме изучения городского текста, в частности алма-атинского и реконструкции наиболее значимых элементов алма-атинского локального текста на материале произведений Ю.О. Домбровского.

В диссертации определены понятия категории локальный текст, геопрезентемы, приведены примеры из художественных произведений, проведен анализ художественных текстов, разработаны общие вопросы теории локального текста, методики анализа городского текста, в частности алма-атинского локального текста и реконструкции наиболее значимых элементов алма-атинского локального текста на материале произведений Ю. Домбровского. Обосновывается правомерность говорить о существовании алма-атинского локального текста, формируемого посредством различных источников исторического, культурологического, художественного характера.

Уже в 19 веке был намечен переход от *образа города* к *городскому тексту*. Городской текст как разновидность текста *локального* не только обрел к сегодняшнему дню гносеологическую многомерность, но и стал одной из базовых категорий ряда софических дисциплин, в том числе филологии.

Актуальность теоретической и практической разработки этой проблемы детерминирована и стоящей перед глобальными сообществами задачей: обозначить их собственное место в мире и наметить линию дальнейшего исторического развития. В этом отношении локальный текст выполняет экспланаторную функцию.

Городское пространство интенсивно самоактуализируется, а потому определяет вектор развития самой человеческой культуры. Это самодостаточный локус, в котором происходит «смена социальных формаций, культурных парадигм, типов культурного сознания, выработанных и закреплённых эстетической мыслью, в котором человек предстает как переходное существо, живущее на границах»¹.

Город – это объект не только социокультурного и эстетического восприятия, но и чувственного миропостижения. В сознании входящего в его пределы он разворачивается и как *материя (физический аспект)*, и как *экзистенция*, как *сагитталь* (имманентный образ города, порожденный его историей, траекторией развития и пр.) и *эгональ* (трансцендентный образ города, преломленный сквозь модус восприятия)².

Б. Пайк справедливо подчеркивает, что города в литературе существуют столько же времени, сколько и сама литература. Мы не можем вообразить такие произведения, как «Гильгамеш», «Илиада», Библия без городов, которые и вмещают, и излучают большую часть заложенных в человеческую жизнь смыслов. Город – самое выразительное и «вещественное» из достижений

¹ Степанова А. А. Город на границах: эстетические грани образа в литературе переходных эпох // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. 2014. №4. С. 26

² Бродецкий А.Я. Внеязычное общение в жизни и в искусстве. Азбука молчания. М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 200. 192 с.

культуры. В неконтролируемом мире природы это то единственное, что претендует на аутентичность и объективность человеческого бытия. Несмотря на то, что история каждого города уникальна, они (города) выполняют сходные функции³.

Урбанистические процессы начинают интенсивно развиваться в переходную эпоху от Средневековья к Возрождению. На этом этапе город «обживается» и осмысливается как культурный феномен. Его сакральная дифференциация уступает место функциональному делению на «зоны». Город становится средой обитания, а потому ключевую роль в его обывлении играет *благоустройство*. Ренессансный город – это город-идея, некий проект, вписанный в геометрическую игру (так, изначально город на уровне чертежа должен соответствовать одной из совершенных геометрических фигур).

На втором этапе (XVIII-XIX вв.) город осмысливается как локус, определяющий сознание его жителей. Он начинает восприниматься соматически, ментально, спиритуально. Устанавливается связь между концептами «ГОРОД» и «ЧЕЛОВЕК». Таким образом, за городом закреплена функция социальной и психологической детерминанты (особенно четко эта тенденция проявлена в натуралистическом направлении литературы).

На третьем этапе (XIX-XX вв.) город – это уже культурный архетип, преодолевающий географическую заданность пространства. Это символ (вспомним «Города-спруты» Верхарна) и новая точка отсчета в жизни человека, своего рода экзистенциальный «центр» (неслучайно Брюсов называет свой поэтический сборник «Urbi et Orbi»).

В мировой культуре город воспринимается как место пересечения дорог, точка «стяжения» метафизического пространства. В какой-то степени город есть репрезентация самого мира, его модель.

Н.П. Анциферовым и И.М. Гревсом в начале XX в. было разработано так называемое «гуманитарное краеведение», в основе которого – субъективное представление о «genius loci», душе города. Считается, что каждый локус уникален, обладает собственным духом (ангелом-хранителем).

В 80-е годы XX века в рамках семиотической школы город стал рассматриваться как текст. Он строится и читается по определенным правилам и, следовательно, может быть типологизирован (такую попытку предпринимали Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Н.Е. Меднис).

Алма-атинский» локальный текст на сегодняшний день практически не изучен. В российской и казахстанской науке не представлено специальных исследований, посвященных данному вопросу. Тем не менее, мы склонны полагать, что говорить о существовании такого текста закономерно: в русскоязычной литературе Казахстана Алма-Ата как концепт представлена довольно обширно. Алма-атинский локальный текст рассмотрен нами в системе его основных функций.

³ Burton Pike. The Image of the City in Modern Literature (Princeton, 1981). – P.26

Как известно, особо важную роль Алма-Ата занимает в творчестве писателя Ю. Домбровского. Она не только становится частью биографического пространства писателя, но и является главным «героем» его произведений.

Имя Юрия Домбровского относится к «заново открываемым» в литературе. Созданные им произведения современные исследователи квалифицируют как «литературу бунта»⁴. Ей свойственны такие черты, как антитоталитарная направленность, философичность, духовная глубина. Основная ее функция – преодоление социального утопизма.

Творчество Домбровского – крупное литературное явление XX века. Жан-Поль Сартр назвал писателя «последним классиком» уходящего столетия. Его романы называют «романами-предостережениями» (А.Р. Зайцева). Все творчество писателя пронизано сквозными мотивами и образами, эксплицирующими главную для него идею – свободу человеческой личности в условиях «темных времен» наступившего режима.

Материалом исследования послужили художественные тексты «Хранитель древностей», «Факультет ненужных вещей», «Гонцы», а также отдельные лирические и публицистические произведения автора и тексты, формирующие «вертикальный контекст» изучаемого локуса.

Методологическую базу настоящей работы составляют фундаментальные исследования в области пространства и текста (М.М. Бахтина⁵, Д.С. Лихачева⁶, Ю.М. Лотмана⁷, Б.А. Успенского⁸, Вяч.Вс.Иванова⁹), а также труды, посвященные семиотике географического пространства в литературе (В.Н. Топорова¹⁰) и анализу конкретных локальных текстов русской литературы (В.В. Абашева¹¹, Н.Е. Меднис¹² и др.).

Объект исследования – «алма-атинский текст», отраженный в произведениях русского писателя – Ю. Домбровского

Основная цель – исследование алма-атинского текста, представленного в произведениях Ю. Домбровского. Отметим, что локальным мы называем такой текст *условно*, т.к. термин предполагает наличие соответствующей текстуальной парадигмы. Уместнее было бы говорить об уровне (слое, ярусе) алма-атинского текста, репрезентированного в произведениях конкретного автора.

Для реализации поставленной цели нами сформулированы следующие **задачи**:

⁴ Зайцева А.Р. Художественные искания неофициальной литературы середины XX века. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 216 с.

⁵ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

⁶ Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. – Л.: Сов. писатель, 1981. – 215 с.

⁷ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Язык русской культуры, 1996. – 464 с.

⁸ Успенский Б. А. Семиотика искусства. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 360 с., 69 илл.

⁹ Иванов Вяч. Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 720. 1986. С. 22.

¹⁰ Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Семиотика города и городской среды. Петербург. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 664. Тарту, 1984. С.

¹¹ Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX в. – Пермь: Изд. Пермского университета, 2000. – 404 с.

¹² Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. – Новосибирск. Издательство Новосибирского университета, 1999. – 392 с.

- Исследовать локальный текст как теоретическую категорию, дифференцировать ее основные функции и парадигматику входящих в нее элементов.

- Обозначить место локального текста в системе филологических дисциплин.

- Проанализировать нехудожественные источники алма-атинского локального текста для создания общего исторического и культурного фона.

- Разработать методику анализа алма-атинского локального текста.

- Реконструировать наиболее значимые элементы алма-атинского локального текста на материале произведений Ю. Домбровского.

Эти задачи обуславливают и соответствующую методологию исследования. Основными методами являются структурно- и историко-функциональный, системно-типологический. Особая роль при решении поставленных задач отдана семиотическому анализу; исследование опирается на теорию свехтекста. Разрабатываемая проблематика потребовала междисциплинарного подхода с опорой на научные труды не только по литературоведению, но по культурологии, истории, этнологии, географии.

В рамках исследования анализируются отдельные художественные произведения «алма-атинского текста»; дается характеристика творчества Ю. Домбровского.

Научная новизна исследования, его **теоретическая значимость** связана с разработкой общих вопросов теории локального текста, методики анализа городского текста, а частности алма-атинского локального текста и реконструкции наиболее значимых элементов алма-атинского локального текста на материале произведений Ю.О. Домбровского, а также введением в анализ понятия «геопрезентемы». Обосновывается правомерность говорить о существовании алма-атинского локального текста, формируемого посредством различных источников исторического, культурологического, художественного характера.

Практическая значимость работы. Основные положения исследования могут быть использованы при разработке учебных пособий и спецкурсов по современной русской и русскоязычной литературе.

На защиту выносятся следующие положения:

1. На сегодняшний день правомерно говорить о существовании алма-атинского локального текста, формируемого посредством различных источников исторического, культурологического, художественного характера.
2. Генерализация семиотического поля вокруг места/края/города зависит от уровня его культурной витальности.
3. В творчестве Ю. Домбровского была создана модель описания Алма-Аты, ставшая канонической. Сама фигура Ю. Домбровского мифологизируется и является одним из персонажей алма-атинского локального текста.
4. Алма-атинский локальный текст имеет собственную внутреннюю парадигматику: мифы, символы, геопрезентемы, литературные портреты.

Гипотеза исследования: Алма-Ата, представленная в творчестве Ю. Домбровского, – это концепт с амбивалентным наполнением; в его

семантический комплекс входят значения «Город-спаситель», «Город-испытание», «Город-сад» (в том числе и «Гефсиманский сад») и «Город-на-вулкане».

Апробация результатов исследования. Основные положения прошли обсуждение на международных научно-практических конференциях.

Диссертация соответствует содержанию паспорта специальности 10.01.01 – «Русская литература», в частности следующим его пунктам: п. 4 – история русской литературы XX-XXI веков, п. 7 – биография и творческий путь писателя; п. 8 – творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве, п. 11 – взаимодействие творческих индивидуальностей, деятельность литературных объединений, кружков, салонов и т.п., п. 15 – литературное краеведение и музееведение, п. 19 – взаимодействие литературы с другими видами искусства.

Положения диссертации прошли апробацию на международных научных конференциях: «Современные тенденции билингвального образования» (г. Москва, 8-9.11.2015, РУДН); «Современные концепции гуманитарных наук: языкознание и литературоведение» (г. Екатеринбург, 4-5.03.2016 – 8-9.04.2016); «Прикладные аспекты современной филологии в контексте интегрированных образовательных программ» (г. Алматы, 2015, КазНУ им.аль-Фараби); «Актуальные проблемы современной филологии в контексте общей научной парадигмы» (г. Алматы, 2016, КазНУ им.аль-Фараби) «Актуальные вопросы современной филологии: теоретические и практические аспекты» (г. Алматы, 2017, КазНУ им.аль-Фараби); «Русский язык и литература в современном образовательном пространстве: теория, практика, методика» (г. Алматы, 2017, КазНУ им.аль-Фараби); на международных и внутривузовских семинарах «Международные организации и научное сотрудничество» (г. Ницца, 2015, Университет Ниццы); «Литературная карта Евразии. Век XX и XXI» (г. Алматы, 2016, КазНУ им.аль-Фараби); «Творческая лаборатория писателя» (Алматы, 2017, КазНУ им.аль-Фараби).

Основные положения диссертации отражены в 14 публикациях, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура исследования отвечает поставленным задачам и служит всестороннему рассмотрению заявленной темы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 110 наименований, в число которых входят монографии, учебники и учебные пособия, статьи и книги на русском и английском языках, а также анализируемые офлайн и онлайн ресурсы. Общий объем работы – 142 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновываются актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются цели и задачи исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Локальный текст как литературоведческая проблема» показывает и объясняет примеры литературного и политического регионализма; анализируется развитие литературного краеведения в отечественном научном дискурсе; рассматриваются труды исследователей творчества Ю. Домбровского.

В первом параграфе «К пониманию категории «локальный текст» объясняется само понятие «локальный текст». Дается ответ на вопрос: для чего необходимо изучать сверхтекстовые единства? Разъясняется, что сверхтекст соотнесен с глобальной идеей, некоей сверхзадачей в репрезентации мира. Следовательно, его смысловое ядро обладает высокой концептуальной значимостью, входит в каталог концептов-доминант той или иной языковой культуры. Концепты-доминанты, в свою очередь, не только отражают ментальность народа, но и программируют ее, определяют внутрисоциальную систему отношений к самым разным объектам действительности. В конце параграфа дается следующее резюме: локальный текст – это парадигма стилистически и жанрово гетерогенных текстов о месте, репрезентирующая его во всех его разнородных качествах и свойствах.

Во втором параграфе «Междисциплинарный статус локального текста» анализируется принадлежность «локального текста» к той или иной концептуальной сфере, будь то лингвистика или литературоведение. Действительно, ключевым словом данного термина является «текст», центральная категория лингвистики. Именно лингвистика предоставляет нам сведения о признаках текста (коммуникативное единство, цельность, конгруэнтность и т.д.), более того – о его связи с мышлением как адресанта, так и адресата.

Из лингвистического арсенала мы получаем также и стилистическую дифференциацию текстов, знания о его дискурсивной природе и т.д. Однако со времен постструктуралистического «взрыва» текст более не квалифицируется как имманентная структура. В эпоху антропоцентрического «сдвига» это уже не предмет с определенным количеством стабильных признаков, но, как пишет Ю.М. Лотман, «функция». В этом качестве текстом признается как отдельное произведение, так и вся литература в целом¹³.

Так как вершинной формой осмысления Бытия является литература, то именно в художественных произведениях локальный текст обретает свою культурную, символическую, аксиологическую «мощь». Следовательно, еще одна *area de scientia* локального текста – литературоведение, в котором место изучается сквозь пространственно-временную сеть – хронотоп, а также через систему всех символических коррелятов города (места), будь то описание

¹³ Лотман М.Ю. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. - 272 с

Памятника Петру в «Медном Всаднике» Пушкина, цепь пропозиций и включенных в них действующих лиц в «Невском проспекте» Гоголя и т.д.

Но в анализируемом термине присутствует еще одна часть – определение «локальный». Значит, текст [результат познания и описания] соотнесен с местом [реальным объектом познания и описания], которое исследуется уже другими, не филологическими дисциплинами.

В их ряду – география (описание земли, ее физических параметров, природных зон, биогеоценозов и пр.), история (формы и стадии развития человеческого общества в последовательности коллективных актов), культурология, социология, политология, этнология. Некоторые из приведенных наук синтезировались в смежные дисциплины, такие как геопоэтика и геософия.

В третьем параграфе «Алма-Ата в творческой судьбе Ю. Домбровского» рассматриваются труды исследователей творчества Ю. Домбровского, которые утверждают, что Алма-Ата в жизни писателя сыграла достаточно большую роль. Этот город в его произведениях предстает как «неслучайное пространство». Сюжет романа «Хранитель древностей» начинается с прибытия героя в этот город и завершается его мыслью о том, что «... и хорошо бы сегодня... выбраться в горы». Основное действие происходит в Алма-Ате, которая названа героем-повествователем, «необычайным городом, столь не похожим ни на один из городов в мире»¹⁴. Рассматривается развитие творческой личности писателя в новой для него культурной реальности.

Межкультурные контакты всегда приводят к зарождению некоего синтезированного художественного пространства. Чаще всего этот процесс проходит все стадии гегелевской триады: «тезис – антитезис – синтез». «Тезис» как воздействующая литература нередко встречает сопротивление («антитезис») со стороны сложившейся в другой культуре литературной традиции, которая производит фильтрацию всего чужеродного. В то же время происходит и освоение всего «приемлемого», будь это система жанров, форма повествования и пр. Синтез – конечное взаимопроникновение художественных элементов, в результате которого формируются насыщенные культурными смыслами семиосферы.

Так, русская литература Казахстана – результат литературного процесса как Казахстана, так и России. Связи между государствами активно укрепляются еще в эпоху правления Екатерины II. Интерес к «азиатским соседям» наглядно представлен и в «восточных» произведениях русских писателей – от Александра Пушкина до Александра Блока.

Многие художники, родившиеся за пределами Казахстана, стали впоследствии *казахстанскими* писателями, и это отражено не только в выборе авторами «инонациональной» темы, героя или специфической «инокультурной» ситуации. Это, скорее, единение различных культурных пластов внутри художественного текста, зарождение нового мироощущения, которое и становится для автора по-настоящему полным. К писателям, «закладывающим» фундамент русской литературы Казахстана, относится и Ю.О. Домбровский.

¹⁴ Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 296 с

В четвертом параграфе «Об элементах биографического мифа Ю. Домбровского» рассматриваются несколько хронологических версий его происхождения. Как известно, биография писателя подвергается креативной модификации. Запускается процесс ее семиотического «наполнения», в результате чего возникает биографический миф, призванный обозначить читателю не просто жизненную траекторию автора, но и его сверхзадачу в литературе.

Биографические мифы (или «легенды») литературоведение изучает с целью воссоздания той креативной атмосферы, которая побудила автора к написанию того или иного произведения. Еще одна значимая деталь – попытка Домбровского ретимологизировать свою фамилию. В ней писатель утверждает собственное цыганское происхождение (современники Домбровского, однако, считают это одной из мистификаций художника).

Заканчивается глава размышлениями о главной проблеме дилогии Ю. Домбровского – проблеме Человека и Истории, и немаловажную роль в ее осмыслении играет Город – свидетель, участник и «вместилище» описываемых событий.

Вторая глава диссертации «Алма-Ата» как локальный текст в романах Ю. О. Домбровского («Хранитель древностей», и «Факультет ненужных вещей») посвящена алма-атинскому локальному тексту, представленному галереей образов, выписанных автором с особой тщательностью. Каждому из алма-атинских художников отведена своя роль в формировании ценностно-смыслового поля города. Это и генетическая функция Хлудова, и скульптурный ген

В первом параграфе «Авторский модус повествования» выявлена геопрезентема, которая не только представляет место в системе пейзажных характеристик, но и эксплицирует авторское отношение к тому или иному локусу. Это развернутая система знаков, каждый из которых ценностно важен при дешифровке. Иными словами, геопрезентема – это город (локус), текстуально зафиксированный таким, каким его *увидел*, прочувствовал автор.

Говоря о геопрезентеме, мы должны учитывать *модус повествования*, т.е. иметь представление о герое, его социальной и нравственной сущности. Герой в русской литературе нередко выступает проводником авторских идей, представляет эстетическую и этическую позицию последнего. В этом отношении Зыбин может рассматриваться как биорекопструктивная маска самого Домбровского.

Домбровский в качестве нарратологического приема выбрал смену модуса повествования в двух частях дилогии. В «Хранителе древностей» повествование ведется от первого лица; имени героя читатель не знает. Сообщается лишь о его главной социальной и экзистенциональной функции, которая является символической – он Хранитель. «Я-повествование» предоставляет герою-рассказчику поливариантность форм и жанров: лирические отступления в романе смежены с историческими ретроспективами, рассказами, документами, при том что сюжет продолжает развиваться линейно. Архитектоника романа, таким образом, обретает дендрическую форму, где «стволом» выступает

хронологическая последовательность действия, а «ветвями» – многочисленные авторские отступления, комментарии и пр.

А.И. Смирнова отмечает, что в романе заявлены две центральные темы – тема культуры и тема подавления человеческой личности. «В развитие сюжета вплетаются новые мотивы, которые станут ведущими во второй книге: мотив предательства, абсурда реальности, а обобщение, которое находит развернутое подтверждение во второй книге, будет сформировано в первой: система сыска и слежки, разросшаяся до основ устройства государства, превратила его в некоего монстра, от всевидящего ока которого невозможно укрыться»¹⁵.

В финале первого романа модус повествования переключается, «Я-рассказчика» сменяет отвлеченное «третье лицо». Это закономерно: такой формат наррации создает необходимую дистанцию между автором и рассказчиком и дает сюжету панорамность видения. Более того, в финале первого романа имя героя впервые упоминается в документе (доносе), напечатанном машинисткой «мадам Смертью». Таким образом, из рассказчика-летописца герой превращается в жертву Системы, и имя – его сакральный метафизический «коррелят» – уже занесен в «список Смерти». Имя главного героя – Зыбин – своего рода философская эссенция, перекликающаяся с гераклитовским тезисом о том, что «все течет, все изменяется» и в мире нет того, что было бы не зыбко и не переменчиво.

Все ценности культуры и самой человеческой нравственности объявлены адептами Системы «факультетом ненужных вещей», который надлежит закрыть за ненадобностью. Зыбин же – опасный Дон Кихот. Не случайно его положение в Алма-Ате становится трагическим, а спасение – «сказочным». Позитивная концовка романа не соответствовала реалиям своего времени.

Параграф «Геопрезентемы, мифы, символы алма-атинского текста» описывает город, являющий собой мифологизированное пространство, дифференцированный на определенные зоны, каждая из которых выполняет свою функцию. Эти пространства обособлены границами, и у каждого из них свой облик. Город предлагает человеку способ своего постижения и видения. Как объясняет В. Серкова, «всякий город метит входящего в его пределы: подчиняет своему ритму тело (выпрямляет его или сдавливает), подчиняет движение, укорачивает взоры, означивает речь, проникает в поры <...>»¹⁶.

Алма-Ата учит героя Домбровского видеть ее вертикально, ввысь, но этот эффект достигается не через строения, а через ландшафт. Она же разительно меняет свой облик, стоит только Хранителю переступить мифологическую границу – перейти через улицу. Сама топография города, по мнению А.А. Степановой, являет собой цепь переходов. Городская улица – это самый загадочный географический образ. Как поясняет Д. Замятин, «Это, действительно, образ на краю, образ *ad marginem*, ибо на ней и посредством ее

¹⁵ Смирнова А.И. Диалогия Ю.О. Домбровского «Хранитель древностей», «Факультет ненужных вещей»: история создания и поэтика // Вестник ВолГУ. Серия 8. Вып.4. 2005. – С. 107.

¹⁶ Серкова В.А. Неписуемый Петербург. Выход в пространство лабиринта // Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1. Спб.: ФКИЦ «ЭЙДОС», 1993. 319 с. С. 95.

сталкиваются, борются, взаимодействуют совершенно различные представления, образы жизни, локализованные случаем в одном урочище»¹⁷.

Алма-Ата видится герою не как «город вне природы», но как «город внутри природы», в котором живут деревья, обитают животные и птицы, существуют люди. И внутри всего этого – домики старой Алма-Аты, хаты, хатки и саманные постройки, выбеленные известью с купоросом. Неслучайно «домики старой Алма-Аты» даны как намек-ассоциация на «домики старой Москвы» М. Цветаевой. На них лежит печать уходящего времени, свидетельство того, что на смену прошлому надвигается безликое и серое настоящее. У Цветаевой оно актуализировано в образе «уродов грузных, в шесть этажей»; у Домбровского это длинный, растянувшийся на целый квартал Турксиб. Однако приземистость и незамысловатость построек объясняет и тот факт, что город подвержен землетрясениям и другие здания, как было принято считать раньше, в нем не выстоят.

Третий параграф «Алма-Ата и элементы ее идиостилистики: «зенковский стиль» показывает процесс возрождения Алма-Аты, названной в приведенном фрагменте произведения, его (Зенкова) городом. Не только потому, что именно Зенков стал первым мэром Верного, но потому, что именно он возродил его после землетрясения и даровал ему облик «красавицы Алма-Аты». Рассказчик неслучайно рисует контрастные панорамы городских участков, разительно отличающихся друг от друга. Не зенковская Алма-Ата – город «плоских бетонных коробок»; зенковская – «нарядная и изукрашенная» столица страны. В рассказах героя, достоверных и аллегорических одновременно, Зенков представлен как Устроитель и Покровитель. Это истинный ученый и истинный Художник, по своим функциям приближенный к божеству-хранителю города.

«Зенковский стиль» – отличительный семиотический комплекс алма-атинского текста. Он вмещает в себя, казалось бы, несовпадающие феномены. С одной стороны, это реальные сооружения, возведенные Зенковым и отличающиеся особым мировидением автора, который, по словам Домбровского, «не выносил пустоты, пытался освоить ее». С другой стороны, это факт синкретического порядка, который для местных жителей служит эмблемой города. Знаменательно, что во времена Зенкова его строения еще не воспринимались символическими и эмблематическими репрезентантами города. Таковыми они стали годы спустя. Зенковские архитектурные мотивы идиоспецифичны. На сегодняшний день Алматы (и Алма-Ата – прежде) воспринимаются исключительно сквозь призму зенковского стиля. Это знак нового, возрожденного города.

Контент-анализ фрагмента позволяет судить о концептуально значимых семантических полях, сущностно раскрывающих «новую» Алма-Ату. Доминантными ее свойствами становятся витальность (жизненность), молодость, энергия, жизнелюбие, нарядность, ликование, веселость и неподчинение какому бы то ни было стилю. Создается сложная ситуация взаимодействия города и ландшафта. Город стремится подчинить себе природу,

¹⁷ Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: АГРАФ, 2004. – 212 с.

природа пытается поглотить, ассимилировать город. «Когда некоторый организм оказывается в какой-то среде, то он, с одной стороны, стремится уподобить эту среду себе, переделать ее под себя, а, с другой стороны, среда стремится подчинить его себе. Это постоянно создает сложную динамику взаимодействия»¹⁸.

Третья глава «Функционально-семиотическая парадигма алма-тинского текста» описывает целый ряд функций локального текста, каждая из которых значима в формировании семиотического пространства города (местности, края).

1. *Кумулятивная функция.* Информация накапливается в локальном тексте на всех уровнях. Для писателей, возводящих определенное место в центр собственного творческого миропостижения, значимы любые данные – исторические, краеведческие, культурологические, географические, социологические. Эти данные могут быть как чисто фактографическими, так и модифицированными; в результате исследователь, имеющий дело с корпусом текстов «о месте», анализирует всю накопленную локальным текстом информацию.

«Старинные здания, улицы, вещи хранят память о своих создателях, владельцах, обо всех, с кем соприкасались; они словно вбирают в себя частички человеческих душ, одушевляются. Есть магия музейных вещей: они притягивают к себе, просят, а порой требуют понять их, разрешить их загадку, сияться говорить, поведать»¹⁹. Идея памяти, «говорящих артефактов», оживающей Истории – основная в произведении Ю. Домбровского «Хранитель древностей».

2. *Мифогенетическая функция.* Ядро локального текста всегда окружено мифологическим пространством, причем группировка мифов осуществляется в этом случае по универсальным законам. Формируются мифы о «сотворении мира», или космогонические мифы; мифы об установлении миропорядка, или гармонизирующие мифы; мифы о неконтролируемых силах природы, или хтонические мифы; мифы о божествах и героях; мифы о конце света, или эсхатологические мифы.

Кроме того, миф – это коммуникативная система, способ сообщения некоего смысла. «Поскольку миф – это слово, то мифом может стать все, что покрывается дискурсом. Определяющим для мифа является не предмет его сообщения, а способ, которым оно высказывается; у мифа имеются формальные границы, но нет субстанциональных»²⁰.

По мнению Р. Барта, окружающая нас действительность бесконечно суггестивна. Любой предмет может перейти из «немного» существования в речевое состояние, открытое для усвоения человеческим разумом. Миф

¹⁸ Лотман Ю.М. Город и время // Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1. Спб.: ФКИЦ «ЭЙДОС», 1993. 319 с. С. 86.

¹⁹ Смотрина М.А. Истоки // Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1. Спб.: ФКИЦ «ЭЙДОС», 1993. 319 с. С. 26.

²⁰ Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. Ст. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический проект, 2014. – С.265

возникает из «природы вещей» на исторической почве; это слово, избранное историей.

«Дерево – это дерево. Да, конечно. Но дерево в устах Мину Друэ – это уже не просто дерево, это дерево приукрашенное, приспособленное к определенному способу восприятия, нагруженное положительными и отрицательными литературными реакциями, образами, одним словом, к его чистой материальности прибавляется определенное социальное *применение*»²¹.

3. *Концептуальная функция.* В результате накопления информации и ее дальнейшей мифологизации локус генерирует определенное концептуальное пространство, особый фрагмент картины мира, репрезентованный в текстах.

Пространство, наряду со временем и числом, является одним из основных концептов каждой культуры. Исследователь и философ Спиркин полагает, что пространство – «форма бытия материи, характеризующаяся такими свойствами, как протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие»²². Пространство многомерно, это одновременно форма мира и локализация человеческого существования. В работе «Пространство и текст» В.Н. Топоров рассуждает о двух модусах восприятия пространства. «Ньютоновское» пространство – «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися»; во втором случае (в концепции Лейбница) – «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования»²³.

4. *Аксиологическая функция.* Для каждого места характерны собственные нормы и ценности, механизмы регулирования общественного поведения, эталонные модели. Все вышеперечисленные аксиологические элементы могут быть обнаружены в составляющих локального текста.

По мнению Л. Столовича, аксиология города – важная часть его метафизики²⁴. Город генерирует культуру, а культура как семиотическая сфера неразрывно связана со значениями и смыслами. По словам Ю.М.Лотмана, «город, как сложный семиотический механизм, генератор культуры, может выполнять эту функцию только потому, что представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням»²⁵.

Алма-Ата складывалась как город, образуемый из разных этносов, культур и стилей. Русское казачество здесь мирно соседствовало с коренным населением, видоизменяя ландшафт по образу и подобию привычных ему поселений. Вот почему изначальный облик Верного – это облик казачьей станицы. История края наполнена ценностными смыслами: он был свидетелем сакских завоеваний, оплотом культуры Железного века (о чем свидетельствуют

²¹ Там же. С.266

²² Спиркин А.Г. Основы философии. - М.: Политиздат, 1988. – С.120.

²³ Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 228.

²⁴ Столович Л.Н. Аксиология Петербурга //Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1. Спб.: ФКИЦ «ЭЙДОС», 1993. 319 с. С. 74.

²⁵ Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. — Семиотика города и городской культуры. Петербург // Труды по знаковым системам XVIII. Ученые записки Тартуского государственного университета, вып.664, Тарту, 1984. С.35.

многочисленные археологические находки), одной из «точек», через которые пролегал Великий Шелковый путь. Это город уничтоженный (в особенности после походов Тимура) и возрожденный, Город-Сад и Город-на-Вулкане. Такова его аксиологическая амбивалентность.

5. *Фатическая функция* локального текста заключается в установлении контактов между представителями разных топосов. Знание «места», его истории, аксиологии и пр. создает необходимую презумпцию для вхождения в коммуникацию.

6. *Интертекстуальная функция* состоит в межтекстовой «перекличке», в возникновении связей между литературными произведениями, т.к. локальный текст – это всегда парадигма текстов, наличие подобных связей закономерно.

7. *Символическая функция*. Иногда в локальном тексте символом выступает сверхтопос – например, город (Москва, Петербург, Киев, Алма-Ата и т.п.). В других случаях символизации подвергаются атрибуты места, т.е. связанные с ним предметы живого и неживого мира. Так, атрибуты-символы Алма-Аты – это яблоко, горы, Кафедральный собор (трансформированное дерево), тополь (живое дерево).

У Домбровского читаем, что «тополь – главное дерево Алма-Аты»: «Весь город, дом за домом, квартал за кварталом, обсажен тополями. Нет такого окна в городе, высунувшись из которого ты не увидел бы прямо перед собой белый блестящий или черный морщинистый ствол. От Алма-Аты до Ташкента проходит большая дорога – день и ночь по ней мчатся грузовики. Но называется она не улица, не шоссе, не дорога, а просто – аллея. "Ташкентская аллея", – говорят алмаатинцы. И в самом деле, огромный сотнекилометровый тракт – всего-навсего только одна большая тополевая аллея»²⁶.

Уже на первых страницах «Хранителя древностей» Алма-Ата предстает перед читателем в двойственном облике: это и цветущий Город-Сад, и Край Света, сотрясаемый землетрясениями. Однако корреляций с *мотивом цветения* в тексте романа значительно больше:

Одним из константных описательных (пейзажных) элементов в романе становится *дерево*. Как отмечает М.А. Маслова, «будучи природным символом, дерево во многих культурах стало знаменовать динамичный рост, природное умирание и регенерацию <...> Растения, трава, деревья, по преданиям древних, обладали сверхъестественной силой – как целительной, так и разрушительной. В основе этих представлений – архетип дерева-тотема»²⁷.

Деревья-тотемы представлены практически во всех мифологических картинах мира. У древних скандинавов таким деревом выступал ясень – ось мироздания, у номадов – Великий Тополь (Байтерек). Неслучайно *тополь* по сей день несет в себе отпечаток мифологического мышления в культуре казахского этноса.

Еще одно универсальная черта ДЕРЕВА как архетипа – наличие семантического элемента «жизнь» (ср. мировое древо, древо жизни).

²⁶ Домбровский Ю.О. Хранитель древностей. Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. Издательство "Терра", М.: 1992 // <http://lib.ru/PROZA/DOMBROWSKIJ/keeper.txt>

²⁷ Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – С.161

Действительно, дерево исходит из недр Матери-Земли. По мнению Агапкиной, особо тесная связь у человека с плодоносящими деревьями, т.к. такое дерево больше принадлежит миру культуры, чем миру природы²⁸. Деревом-символом для Алма-Аты является яблоня. Тополь и яблоня – символические корреляты Алма-Аты. Такими они предстают и в романе Домбровского.

В параграфе «Функция испытания» автор ставит вопрос о том, что ценнее: отречение от истины и спасение собственной жизни – или истина путем страданий и конечной гибели. Функцию Испытания реализует именно город – Алма-Ата. Алма-Ата, город-сад, город-на-вулкане, дала Домбровскому, молодому, незрелому, попавшему в беду свободу и зрелость²⁹. Но в «любимой им Алма-Ате воздух наполнен предательством – герой-повествователь мучается от осознания этой мысли»³⁰. В семантическом комплексе города-сада присутствует важная составляющая: мифологема Гефсиманского сада, места, где был предан Иисус Христос.

По мнению Домбровского, Христос исполнен «правды человечности», в нем есть «метущееся, немощное, болящее». Свобода выбора Зыбина определяется его высокой нравственностью и ответственностью перед Историей. Неслучайно исследователи характеризуют его как «великомученика XX века».

На протяжении второй части дилогии Зыбин не раз проходит испытание совестью: он отвергает шантаж, навязываемый ему под пытками; отказывается от дачи ложных показаний в обмен на жизнь и свободу; не дает согласия на уголовную статью как на избавление от статьи «смертельной», политической. «Я не шпион, не валютчик, не изменник. На мне лишние лычки не заработаешь. Пусть это запомнят все великие инквизиторы»³¹.

Страдания Зыбина на уровне аллюзии сближены со страданиями Христа: Хранитель искупает собственными муками весь советский народ, затравленный насилием и страхом. При этом и Христос, и Зыбин в творческой рефлексии Домбровского представлены как *люди*, слабые и ранимые физически, но негибкие морально. Так, Христос в «Факультете ненужных вещей» – не всесильный Творец, но «Бог немощный и слабый». Его физические страдания непомерны: он истекает кровью, мучается от жажды, молит стражников о смерти: «Скорее же! Скорее! Что вы медлите!»³². Его смерть кровава и страшна, а физические силы ограничены. Однако духовных сил Христа хватает на то, чтобы «смертью смерть поправь» и умереть как «сыну человеческому». Субъектная параллель выстраивается между образами Христа и Зыбина. Зыбин, слабый физически, неорганизованный в быту, «пьяница», «трепач», в ситуации испытания становится непреклонным.

²⁸ Агапкина Т.А. Южнославянские поверья и обряды, связанные с плодовыми деревьями, в общеславянской перспективе // Славянский и балканский фольклор. – М.: Наука, 1994. – С.84.

²⁹ Джолдасбекова Б., Сарсекеева Н. Авторский дискурс Ю.О. Домбровского в контексте современной казахстанской прозы о художнике. – Алматы: Казак университеті, 2013. – С.122.

³⁰ Джолдасбекова Б.У. Русская литература Казахстана. – Алматы: Казак университеті, 2008. – С.339.

³¹ Домбровский Ю.О. Хранитель древностей. Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. Издательство "Терра", М.: 1992 // <http://lib.ru/PROZA/DOBROWSKIJ/keeper.txt>

³² См. там же.

В параграфе «Функция искупления» предательство рассматривается как один из экзистенциальных вопросов, которые интересуют Домбровского более всего. Автор пытается понять, свободен ли человек в предательстве – смертном человеческом грехе, который в «темное время» стал причисляться к общественным добродетелям. Домбровского интересует сама сущность предательства, механизмы его свершения, моральная плата за него.

Домбровский предлагает свою версию событий в Гефсиманском саду и настаивает, что предательство совершается по абсолютной свободе выбора. В доказательство повествователь приводит аргументы из Истории, подтверждающие, что человек – единственное существо, наделенное высоким разумом, а потому несет ответственность за каждый свой поступок. В Зыбине сильно индивидуальное начало. Он с детства боится «толпы, давки, скученности» и сумел развить в себе способность противостоять безликой массе. Особенно эта черта проявляется во время пребывания героя в «Большом доме».

Героя спасает великая «сила освободительного презрения» к мучителям. Следует отметить, что каждый человек, по мысли автора, дуален, антиномичен. Он может быть жертвой, но может быть и палачом, причем грань между этими ипостасями очень тонка. Как и все в дилогии, она зыбкая, нечеткая. Этот тезис иллюстрирует цепь эпизодов, наполненных глубоким символическим содержанием, каждый из которых связан с образом краба.

Дилогия Ю. Домбровского – это литература бунта, и главной темой ее является покаяние. По мнению писателя, измерить рок XX века можно лишь «мерой всеобщего греха».

В заключительном параграфе «Функция творения: алма-атинские литературные портреты» проанализированы литературные портреты, созданные писателем Ю. Домбровским. Литературный портрет – синтетический жанр, включающий в себя элементы эссе, мемуара, очерка. В то же время он самодостаточен и основан, чаще всего, на конкретной авторской интенции: воссоздать образ личности в ее неповторимом своеобразии. О.А. Айкашева указывает на то, что писателя, создающего литературный портрет современника, нередко интересует внутренний мир «героя», его потайная история³³. Л.П. Гроссман отмечает, что литературному портрету свойствен «живой, красочный, экспрессивный критический вид, схватывающий в индивидуальности самые выразительные черты творческого облика и запечатлевающий их в той тонко организованной системе, которая раскрывает нам в синтетической зарисовке весь характер оригинала»³⁴. Из массы личных впечатлений портретист выбирает те, которые способны придать его герою выпуклость. Создается своего рода концепция личности портретируемого³⁵.

«Специфика жанрового содержания литературно-критического портрета обнаруживается прежде всего в том, что предметом исследования здесь является

³³ Айкашева О.А. Способы воплощения концепции личности писателя в литературном портрете «А. П. Чехов» Н. Д. Телешова // Вестник БГУ. 2011. №10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-voploscheniya-kontseptsii-lichnosti-pisatelya-v-literaturnom-portrete-a-p-chehov-n-d-teleshova>

³⁴ Гроссман Л. Жанры художественной критики // Искусство. 1925. № 2. С. 76.

³⁵ Ведищева Ю. В. О современном состоянии теории жанра литературного портрета // Вестник ТГУ. 2011. №10. – С.230 – 234.

творчество, «дело» художника, осмысленное в неразрывном единстве с неповторимым творческим, духовным обликом художника, его личности в целом. К устойчивым жанрообразующим элементам литературно-критического портрета следует отнести и определенный тип «портретируемого», хорошо «узнаваемого» по другим источникам, в частности и по его произведениям, что позволяет автору литературно-критического портрета многое оставлять «за кадром», апеллируя к интеллектуально-художественному опыту читателя»³⁶.

Для Домбровского (и писателя, и автора) Алма-Ата неразрывно связана с ее творческими личностями, литературные портреты которых представлены в сборнике «Гонцы». В Алма-Ате он вышел под названием «Факел», утвержденным редактором П. Косенко. «Гонцы» – авторское название очерков. По словам автора, эти рассказы «возникли сами по себе» и должны были стать частью совсем другой работы.

Алма-Ата для Домбровского – это в конечном счете место торжества правды и справедливости, место развития его творческого дара, место встречи с «гонцами искусства» – художниками и писателями, создававшими творческий облик города.

Перед тем, как приступить к портретам людей, оказавших влияние на его жизнь, автор предлагает читателю исторический этюд об искусстве Казахстана. Это – необходимый фон для понимания генезиса тех истинно художественных достижений, которых сумели достичь Хлудов и Кастеев, Калмыков и Иткинд. Домбровский настаивает на том, что искусство – исток всего сущего, и называет искусство Казахстана одним из древнейших. У мастеров Семиречья, по мнению автора, было мало технических возможностей, но много творческих сил. «Избирательность» глаза позволяла Художнику древности отбросить все лишнее, увидеть «душу» камня, дерева, металла.

По данной главе сделаны следующие выводы: локальный текст – это парадигма текстов разного уровня, посвященная описанию и осмыслению определенного локуса. Благодаря широкому спектру функций локальный текст интенсивно участвует в поиске страной (городом, краем) собственных онтологических координат. Он не только объясняет прошлое края и связанные с ним автохарактеристики, но и в определенном смысле прогнозирует будущее, выстраивая некую «несущую ось» в *мироощущении места*.

В Заключении выделены наиболее заметные на сегодняшний день локальные тексты литературы, кратко обозначены характеризующие особенности «алма-атинского локального текста», намечены перспективы развития темы, дается определение места человеческой жизни, которое в какой-то степени культурогенно: оно порождает вокруг себя семиотическую сферу, наполненную самым разнообразным содержанием.

Таким образом, локальный текст – парадигматический феномен, который может быть реконструирован на материале определенных произведений

³⁶ Маркова О.В. Литературный портрет как вид писательской критики // Художественное творчество и литературный процесс: Сб. статей/Отв.ред. Н. Н. Киселев. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. — Вып. VIII. С.212.

посредством составляющих его частей. В нашем исследовании это мифы, символы, прецедентные тексты, литературные портреты, геопрезентемы.

Под геопрезентемой мы понимаем образ места, трансформированный сознанием писателя во фрагмент его индивидуальной картины мира и впоследствии вербализованный. Геопрезентема не только представляет место в системе пейзажных характеристик, но и эксплицирует авторское отношение к тому или иному локусу. Иными словами, геопрезентема – это город (локус), текстуально зафиксированный таким, каким его *увидел*, прочувствовал автор.

Алма-Ата имеет долгую историю существования в семиотической сфере. Это древний край, на протяжении веков сохранивший устойчивую номинацию (Алмалык – Алмату – Алма-Ата, Алматы) и генерирующий множество мифов и легенд вокруг своего «смыслового ядра». На уровне концептосферы за городом закреплена смысловая амбивалентность. С одной стороны, ему свойственны константные коннотации «Город-сад», «Рай»; с другой – «Город-на-вулкане», значение, связанное с апокалиптическими мотивами. Исторические свидетельства называют его «благодатным краем» и «городом землетрясений».

Каждое пространство и населяющий его этнос творят собственный тип культуры. Есть культуры гармоничные (ассонансные), есть дисгармоничные и есть синтетические. К синтетическим культурам Домбровский относит казахскую. Очень по-разному пространство осмыслено и передано выдающимися казахстанскими художниками.

Город актуализирован в диалогии не только в системе геопрезентем (самые значимые из которых описывают зенковский стиль, архитектурные эмблемы города, знаменитый Зеленый базар, отдельные улицы, реку Алма-Атинку, каток Медео); он выступает в качестве функции по отношению к главному герою.

Локальный текст способен поставить перед обществом конкретные культурологические проблемы. «Понимание города как текста предлагает методологию целостного изучения территории, поскольку локальный текст образует контекст для каждого отдельно взятого факта местной истории, культуры и искусства»³⁷.

Алма-Атинский текст имеет высокий креативный «заряд». Экспликация символического поля города подтверждает это. Проблема алма-атинского локального текста только намечена и ожидает дальнейшего решения не только в пределах художественной литературы, но и во всех прочих текстовых репрезентациях. Нами был осмыслен только один из *слоев* алма-атинского текста, который в совокупности с другими источниками может войти в систему целостного и полного представления о городе Алма-Ата³⁸³⁹.

³⁷ Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. – 404 с.

³⁸ Коваленко А.Г. Художественная конфликтология. Пособие по спецкурсу. – Москва: Издательство Российского университета дружбы народов, 2001

³⁹ Баянбаева Ж.А. К вопросу о локальном тексте и его функциях (на материале алма-атинского локального текста) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика – 2016. Вып. № 2. - С. 77 – 85

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Издания, рекомендованные ВАК России

1. Баянбаева Ж.А. Алма-Ата в прозе Ю.О. Домбровского // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2016. Вып. № 5. - С. 354 – 359 (0,39 п.л.)
2. Баянбаева Ж.А. К вопросу о локальном тексте и его функциях (на материале алма-атинского локального текста) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика – 2016. Вып. № 2. - С. 77 – 85 (0,5 п.л.)
3. Баянбаева Ж.А. Об элементах биографического мифа Ю.О. Домбровского // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика – 2016. Вып. № 4. - С. 84 – 89 (0,31 п.л.)
4. Баянбаева Ж.А., Туманова А.Б., Утепова Р.И. Представления концепта «родина» в художественном пространстве русскоязычных писателей Казахстана // Вестнике Тамбовского университета. Серия филологические науки и культурология. – 2016. – Т.2. Вып. 4 (8) . С. 67-72 (0,32 п.л.)

Другие издания

5. Джолдасбекова Б.У., Баянбаева Ж.А. и др. Антология русскоязычной литературы Казахстана. Монография. - Алматы: Казак университеті, 2014. – 272 с.(17 п.л.)
6. Баянбаева Ж.А. Алма-Ата в творческой судьбе Ю. Домбровского // Журнал «Наука без границ». – Екатеринбург, 2016. – Вып. 2 (20), С. 7-9 (0,2 п.л.)
7. Джолдасбекова Б.У. Баянбаева Ж.А. История, современное состояние и перспективы развития русскоязычной литературы Казахстана // Bulletin d'Eurolalent-FidJip. 2015, №4. Editions du JIPTO, France. Page 10-15.
8. Кыынова Ж.К. Баянбаева Ж.А. Методы дискурсивного анализа и их применение в практике преподавания дисциплин филологического цикла // Материалы международной научно-практической конференции «Прикладные аспекты современной филологии в контексте интегрированных образовательных программ». 28.04.2015 года. – Алматы, «Казак университеті» 2015. С. 31-34.
9. Баянбаева Ж.А. Национальные образы в русской литературе Казахстана // Вестник КазНУ. Филологическая серия. – Алматы, 2015. - №1 (154). С. 56-62.
10. Джолдасбекова Б.У., Жаксылыков А.Ж., Сарсекеева Н.К., Баянбаева Ж.А. и др. Эстетическая многоплановость гуманитарного дискурса литературы Казахстана периода Независимости. Коллективная монография. - Алматы: Казак университеті, 2016. – 280 с.
11. Баянбаева Ж., Джолдасбекова Б. Изучение творчества писателей-сибиряков в рамках программы подготовки филологов // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы современной

- филологии: теоретические и прикладные аспекты». Алматы, изд. «Казак университеті», 28.04.2016 г., С. 245 - 253
12. Джолдасбекова Б., Баянбаева Ж. Эстетическая многоплановость литературы Казахстана периода независимости // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы современной филологии: теоретические и прикладные аспекты». Алматы, изд. «Казак университеті», 28.04.2017 г., С. 166 - 168
 13. Нурмолдаев Д.М., Баянбаева Ж.А. Теоретико-методологические аспекты изучения текста в соотнесенности с дискурсом в современной науке о языке. // Материалы международной конференции «Актуальные вопросы современной филологии: теоретические и прикладные аспекты». Алматы, изд. «Казак университеті», 28.04.2017 г., С. 105-109
 14. Сарсекеева Н.К., Баянбаева Ж.А. Инновационный потенциал литературоведческих дисциплин в системе послевузовского образования в Казну имени аль-Фараби и его составляющие. // Материалы Международного научно-методического семинара «Русский язык и литература в современном образовательном пространстве: теория, практика, методика» КазНУ имени аль-Фараби, 22 февраля 2017 года. – С. 81-86

Баянбаева Жадыра Амангельдиевна
Алма-Атинский локальный текст в творчестве Ю. Домбровского:
функционально-семиотический аспект

Диссертационное исследование посвящено изучению одной из перспективных направлений современной филологии – локальному тексту. В диссертации определены понятия категории локальный текст, геопрезентемы, приведены примеры из художественных произведений, проведен анализ художественных текстов, разработаны общие вопросы теории локального текста, методики анализа городского текста, в частности алма-атинского локального текста и реконструкции наиболее значимых элементов алма-атинского локального текста на материале произведений Ю. Домбровского, а также введено в анализ понятие «геопрезентемы». Обосновывается правомерность говорить о существовании алма-атинского локального текста, формируемого посредством различных источников исторического, культурологического, художественного характера.

Геопоэтический аспект избран как точка отчета в изучении творчества Ю. Домбровского и направлен на реконструкцию парадигмы алма-атинского текста в творчестве писателя. Алма-атинский текст имеет высокий креативный «заряд». Экспликация символического поля города подтверждает это. Проблема алма-атинского локального текста только намечена и ожидает дальнейшего решения не только в пределах художественной литературы, но и во всех прочих текстовых репрезентациях. В работе осмыслен только один из слоев алма-атинского текста, который в совокупности с другими источниками может войти в систему целостного и полного представления о городе Алматы.

В результате исследования автор делает выводы о том, что локальный текст – парадигматический феномен, который может быть реконструирован на материале определенных произведений посредством составляющих его частей. В данном исследовании это мифы, символы, прецедентные тексты, литературные портреты, геопрезентемы.

Bayanbayeva Zhadyra Amangeldievna
Alma-Ata local text in Yu. Dombrovsky's creativity:
functional-semiotic aspect

The dissertation research is devoted to the study of one of the promising areas of modern philology – the local text. In the dissertation work defined the notions of the category of local text, geo-presenter, examples from works of art, analyzed literary texts, developed general questions of the theory of local text, methods for analyzing the urban text, in particular the Alma-Ata local text and the reconstruction of the most significant elements of the Alma-Ata local text on the material of works by Yu.Dombrovsky, and with the introduction to the analysis of the concept «geo-presenter». Substantiates the legitimacy to speak about the existence of the Alma-Ata local text generated by various sources of historical, cultural, artistic nature.

The geopoetic aspect was chosen as the starting point in the study of Yu. Dombrovsky's creativity and is aimed at reconstructing the paradigm of the Alma-Ata text in the writer's work. Alma-Ata text has a high creative «charge». Explication of the symbolic field of the city confirms this. The problem of the Alma-Ata local text only scheduled and expects further solutions not only in the literature, but also in all other text representations. We have comprehended only one of the layers of the Alma-Ata text, which in conjunction with other sources can enter in a holistic and complete representation of the city Almaty.

As a result of the research, the author draws conclusions that the local text is a paradigmatic phenomenon that can be reconstructed on the basis of certain works by means of constituent parts. In this study, these are myths, symbols, precedent texts, literary portraits, and geo-presenters.